

©1993 г.

А.И. ЧЕРНЫХ

«КРЫЛАТЫЙ ЭРОС» И ПРОМФИМПЛАН

ЧЕРНЫХ Алла Ивановна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. В нашем журнале опубликовала статью (1989, № 4).

Как это ни парадоксально звучат, Россия после Октябрьского переворота могла считаться одной, из самых свободных стран мира в сфере половой морали — ситуация эта сохранялась все первое десятилетие Советской власти. Уже в декабре 1917 г. была отменена судебная ответственность за гомосексуальную связь, не предусматривалось наказание за нее и в уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг., от которого в странах Запада отказались много позже.

Сексуальная свобода была объявлена политическим достижением новой власти, ее пропаганда велась под звучным лозунгом «Дорогу крылатому Эросу!», провозглашенным Александрой Коллонтай — признанным теоретиком правящей партии в женском вопросе, автором первой крупной работы на эту тему в России, написанной с к марксистских позиций [1]. Став в 1920 г. заведующей женотделом ЦК РКП(б), она получила хорошую возможность для популяризации собственных взглядов — не просто свободной, но сверхсвободной любви [1-5]. Для нее такая любовь «соответствует той норме общения между полами, которую установит коллективистское общество» [1, с. 219]. Развивая свою концепцию после революции, Коллонтай приходит к выводу о необходимости разрушения семьи, поскольку практикуемые в ней отношения подрывают «основной принцип идеологии рабочего класса — товарищескую солидарность» [2, с. 18]. Одновременно ею вводится в оборот замечательное понятие — «половой коммунизм» [2].

Вряд ли теперь удастся достоверно установить, опережала ли теория практику или, напротив, *vice versa*, но уже в сборнике «Социализация женщин», изданном в Петрограде (1918 г.), приводятся факты «распределения» представительниц прекрасной половины человечества, правда, не в соответствии с обоюдным желанием, а согласно претензиям претендента, осуществление которых зависело от его места в новой социальной иерархии (представитель исполкома имел преимущество перед всеми остальными, например). Конечно, трудно обвинять классиков марксизма в теоретическом обосновании такого рода действий: и К. Маркс, и Ф. Энгельс говорили о свободе секса в будущем коммунистическом обществе, когда главным будет любовь двоих, основанная на чувстве, тогда как брак, семья, отойдут на второй план. Об этом же писал и Август Бебель в своей знаменитой книге «Женщина и социализм» (выдержавшей только в Германии 50 изданий): «Этот союз является частным договором без вмешательства должностных лиц» [6, с. 353]. Но, разумеется, они имели в виду цивилизованные формы человеческих взаимоотношений, которым бремена социальных катаклизмов не соответствуют.

В результате военных и революционных потрясений, женщин, причем самого активного возраста, в стране стало на 4 млн. больше, чем мужчин. Заметим тут же, что определенную популярность в тот период обрела идея об особых правах победителей-революционеров на любовь дочерей и жен своих бывших угнетателей; женщина-аристократка, женщина-буржуазка — это «трофей народа», одолевшего в

жестокой схватке старую власть. Существовала и иная тенденция, по преимуществу в кругу юных интеллигентов, вставших на путь ликвидации сословных предрассудков весьма необычным образом: он или она считали своим долгом связать судьбу с человеком из «простых». Однако подобные попытки «загладить вину интеллигенции» перед народом, как правило, оказывались неосостоятельными — «межклассовые» браки, заключенные из идейных соображений, очень быстро распались. Для полноты картины отметим, что в творческой среде — наиболее восприимчивой к лозунгам эмансипации всех сторон бытия — широко распространились житейские формулы: «Жены, дружите с возлюбленными своего мужа» и «Хорошая жена сама подбирает подходящую возлюбленную своему мужу, а муж рекомендует жене своих товарищей» [7].

Словом, «крылатый Эрос» с легкой руки Коллонтай был выпущен в свободный и неуправляемый полет.

Всего полнее «философию» безбрежного взаимодействия полов воплощала студенческая молодежь, данные о сексуальной жизни которой собрал Д. Ласе [8], обработавший почти 2,5 тыс. анкет, заполненных студентами одесских вузов, чей социальный состав был таким: 37,8% крестьян, 30,2% рабочих, а остальные — «мелкая буржуазия», к которой относили врачей, инженеров и вообще людей интеллигентных профессий. Основная масса студенчества жила в общежитиях без удобств, в комнатах по 10-20 человек. Вот свидетельства самих учащихся — «Сплю у чужих людей, на холодном полу, постели нет. Питание недостаточное» (первокурсник Института народного хозяйства); его дополняет однокурсник: «Постоянно -недоедаю, ни ужина, ни завтрака, часто — один хлеб».

Но молодость берет свое, и на физиологии эти трудности как будто не сказываются. Каждый пятый студент начал половую жизнь до 15 лет, половина — между 17 и 19 годами. 63% юношей и 49% девушек постоянно имели случайные сексуальные контакты, к тому же 20% обычно «нагнетали» плотское желание с помощью алкоголя. В свободных союзах жили 31% студенток и 16,5% студентов. Внебрачные связи поддерживала почти 1/4 женатых и замужних. При этом 23,6% опрошенных вступали в коитус с одним лицом, а 60,7% — с несколькими. Признали любовь реально существующей свыше 56%, однако 85% ответили, что в своих сексуальных устремлениях видят лишь способ удовлетворения физического влечения.

Подобное «раскрепощение пола» вело, как следствие, к известным изменениям стиля поведения, в частности, отказу от таких проявлений чувств, как женская стыдливость, любовные томления и переживания, прогулки при луне, букеты любимой девушке и тому подобной «чепухи», презрительно объявленных «буржуазными предрассудками». Возник даже особый термин для обозначения сей манеры общения — «без черемухи» (по названию одноименного рассказа Пантелеймона Романова [9]).

Ситуация в рабочей среде осложнялась низким культурным уровнем недавних выходцев из деревни, перенесших в новые условия традиционно пренебрежительное отношение к женщине. Поэтому рабочая женщина становилась жертвой мужской необузданности, грубости и издевательств значительно чаще, чем представительницы других городских слоев, и, несмотря на разрешение абортов, именно эта среда давала колоссальный рост числа внебрачных детей. Последнее обстоятельство вызывало беспокойство властей, для которых бездомная и беспризорная детвора, подкидыши превратились в тяжкое бремя, а пополнялись их ряды в первую очередь детьми, рожденными вне брака.

Отражением этого беспокойства явилось проведенное в Москве под председательством Льва Троцкого совещание агитаторов для обсуждения вопросов рабочего быта (бывший наркомвоенмор довольно быстро терял политический вес и потому вынужден был переключиться на несвойственные ему ранее проблемы «культурничества») [10]. Знакомясь с выступлениями участников, отчетливо ощущаешь их неподдельную тревогу. К примеру, председатель губернского союза

текстильщиков Марков заявил: «Я предупреждаю, что на нас надвигается колоссальное бедствие... "свободная любовь". От этой свободной любви коммунисты натворили ребятишек. Коммунистов потом мобилизовали, и на иждивении завкома остались чуть ли не две тысячи ребятишек. И если война дала нам массу инвалидов, то неправильное понимание свободной любви наградит нас еще большими уродами». Его поддержал секретарь Московского совета Дорофеев: «Революция внесла разложение в семью. Многие рабочие озорничают и не так понимают свободу, расходясь со своими женами». Заведующая женотделом Московского комитета партии Цейглина сетовала: «В литературе недостаточно освещаются вопросы отношений мужчины и женщины... Я знаю агитаторов, которые отвечают (рабочим. — А. Ч.) по тезисам тов. Коллонтай. И на этой почве растет подбрасывание ребят. Сейчас в Москве это является одним из большевских зол». Подводя итоги обсуждения, Троцкий резюмировал: «Надо признать, что семья, в том числе пролетарская, расшаталась».

Дореволюционная Россия не знала гражданского брака, юридическую силу имел исключительно церковный. Этой силы он был лишен советским декретом от 18 декабря 1917 г., устанавливавшим в качестве единственно законного брак гражданский, оформленный лишь в органах ЗАГСа. Поместный собор русской православной Церкви единодушно отрицательно отнесся к декрету, усмотрев в нем стремление подорвать не только религиозные, но и моральные основы семьи. С такой оценкой трудно спорить, ведь Кодекс РСФСР 1918 г., закреплявший брачное, семейное и опекуное право, признавал, например, многоотцовство: если мать ребенка укажет нескольких мужчин, с которыми она одновременно сожительствовала, суд мог посчитать их всех ответственными за его рождение и обязать каждого платить свою долю алиментов [11].

Попытки разрушить «устаревшие» рамки взаимодействия полов получили юридическое оформление в новом Законе о браке, семье и опеке (1926), довольно полно воплотившем в себе идеи сторонников освобождения «крылатого Эроса». Так, сохранение акта регистрации свелось по сути к выполнению чисто статистической операции учета врачующихся пар. Столь же простой стала и бракорасторгающая процедура: чтобы ее осуществить, достаточно заявления одного из супругов, причем «представления какого-либо объяснения, почему сторона желает развода, не требуется» [12]; другой стороне посылалась по почте копия записи о прекращении брака. Фактически принятые установления приближали реализацию высказываний прокурора республики Николая Крыленко, подчеркивавшего, что согласно коммунистической нравственности, «вообще брачные отношения не должны будут подлежать какой бы то ни было принудительной регламентации» [13].

Закон 1926 г. служил подтверждением верности идеологическому тезису о «свободе любви» и вместе с тем явился фиксацией положения, складывавшегося под влиянием как объективных условий, так и пропагандистски насаждаемой моральной нормы. У комсомольской молодежи он вызвал восторг. А официальный поэт Александр Безыменский так приветствовал его принятие:

Послав ко всем чертям высокое искусство,
Сегодня я кричу простую мысль мою:
За Курского! За Кодекс Наркомюста!
За новую семью!

Максимальное упрощение юридических основ брачных отношений привело к тому, что, по словам одного из литературных героев Ильи Эренбурга, люди «забегали в ЗАГС как на почту — сегодня распишутся, завтра берут развод» [14]. В Ленинграде, скажем, показатели разводов росли с катастрофической быстротой (данные на 1 тыс. человек): 1920 г. — 1,9; 1923 г. — 3,4; 1927 г. — 9,8; 1929 г. — 11,3. Наряду с этим резко увеличилось и количество аборт, которое в отдельных городах превышало число рождений (в Москве в 1934 г. на одно рождение приходилось уже три аборта! [15]).

К 1927 г. в стране по официальной статистике насчитывалось свыше полумиллиона детей, никогда не видевших своих отцов (на деле же было гораздо больше). Предсказания теоретиков о том, что социалистическое государство будет воспитывать их за общественный счет, не сбывались: экономически оно было способно прокормить не более 1% рожденных в «свободных браках».

Сложившаяся обстановка, ее моральные и материальные последствия вынудили власти обратить особое внимание на проблемы частной жизни, воззвать к человеческому разуму, гражданской ответственности людей. Именно это цели преследовала опубликованная в «Правде» (№ 67 за 1926 г.) статья члена Президиума ВЦИК Петра Сидовича «О любви», в которой автор призывал граждан уговориться в своих земных страстях, предостерегал от распада пролетарской семьи, раскрывал многие еще нерешенные рабоче-крестьянским государством вопросы, напоминал о трудностях, с которыми оно сталкивается из-за отсутствия в бюджете средств, необходимых «нежданному потомству».

Эта публикация вызвала поток писем читателей, в центральной печати развернулась бурная дискуссия. «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», теоретический и партийный журнал «Под знаменем марксизма» предоставляли свои страницы члену ЦК Емельяну Ярославскому, наркому просвещения Анатолию Луначарскому, наркому здравоохранения Николаю Семашко, основателю и первому директору Института Маркса-Энгельса Дмитрию Рязанову. Не осталась в стороне и А.М. Коллонтай, выдвинувшая просто удивительный аргумент в защиту сексуальной свободы. Поскольку мужчины в СССР слишком бедны и, следовательно, зачастую не имеют возможности выплачивать алименты на поддержку «случайно прижитых» чад, они, опасаясь лишиться заметной доли и без того скудного жалования, станут избегать интимной близости с женщинами, что, в свою очередь, может привести к понижению полового тонуса населения. Дабы избежать этого, она предложила создать специальный фонд, средства из которого пойдут на содержание внебрачных детей. Если каждый взрослый гражданин Страны Советов внесет сюда всего лишь 2 руб. в год, то общая сумма составит 120 млн., которых, по подсчетам Александры Михайловны, должно вполне хватить для того, чтобы прокормить всех потенциальных подкидышей [16]. (Не здесь ли таятся истоки впоследствии реализованной идеи о налоге на бездетность. — одном из нелепейших поборов в истории человечества?!) Противники же Коллонтай резонно возражали: ее предложение по существу направлено на поощрение распущенности нравов, вот почему не только консервативная часть общества — крестьянство, но и горожане без энтузиазма воспримут новый «любовный налог».

Большинство участников дискуссии выступало против несдержанности в отношениях между полами, во многом мотивируя ее «диверсией» буржуазной идеологии. Весьма своевременным в этом контексте оказалось обнародование воспоминаний Клары Цеткин о В.И. Ленине, так передавшей мысль вождя: «Несдержанность в половой жизни ~ буржуазна, она признак разложения... Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовные потребности так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории "стакана воды" наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась... Я считаю теорию "стакана воды" совершенно не марксистской и сверх того противообщественной... В любви участвуют двое и возникает третья жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу" [17]. Появившиеся столь кстати авторитетные свидетельства были использованы для соответствующих «оргвыводов», персонально касавшихся самых активных приверженцев доктрины «свободной любви». Коллонтай, направленную в 1923 г. послом в Норвегию за участие в «рабочей оппозиции», отослали еще дальше — в Мексику. Курский был освобожден от обязанностей наркома юстиции и назначен послом в Италию. Потерял политическое влияние и прокурор Крыленко.

С середины 20-х годов начинается поворот государственной политики в области семейно-брачных отношений. Продолжавшая действовать (скорее, по инерции) теоретическая установка на разрушение семьи как буржуазного института входила во все большее противоречие с реальной действительностью. Ранее провозглашенное Советской властью обещание взять на себя заботу о детях, больных и престарелых, т.е. искони гуманистическую функцию, осталось невыполненным по чисто экономическим причинам. Кроме того, ориентированная на ослабление семейных уставов политика психологически отрицательно воздействовала на демографическое сознание, приводя к снижению рождаемости, угрожая нормальному воспроизводству населения. Тем не менее обнаружилось, что семья как традиционная ценность сохранила свою привлекательность для громадной части россиян, а потому действия, направленные на ее расшатывание, стали со временем вызывать растущее недовольство масс.

Эти обстоятельства обусловили переход в середине 30-х годов от политики ослабления семьи к ее защите государственно-юридическими, т.е. принудительными мерами. 27 июня 1936 г. принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве об аборт». Одним из главных следствий постановления стал резкий скачок женской смертности в результате криминальных случаев прекращения беременности. В концептуальном плане данный законодательный акт, увидевший свет ровно через десять лет после российского Кодекса о браке и семье 1926 г., подводил черту под теорией и практикой «свободного партнерства» при социализме. Всестороннее укрепление властных механизмов не обошло интимную сферу: отныне государство заботится не о свободе чувств личности, но об охране интересов семьи как «ячейки общества».

Негативное восприятие внебрачных связей окончательно и бесповоротно было закреплено указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., в соответствии с которым «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов». По этому указу — жестко фиксировавшему неравноправие слабого пола и юридически санкционировавшему двойную мораль — вся тяжесть внебрачной близости ложилась на женщину и рожденных ею детей. Тем самым восстанавливалось «особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку», уничтоженное, как считал В.И. Ленин, Советской властью «полностью» [18]. К сожалению, теперь оно гальванизировалось в еще более «гнусном, подлом и лицемерном виде», чем до революции: многим памятли пресловутые «прочерки» в метриках, но следует напомнить и о том, что даже ничтожное пособие на внебрачного ребенка — 5 руб. в месяц (!) — выплачивалось лишь до достижения им 12 лет. Оно обрекало матерей-одиночек и детей, страдавших от «безотцовщины», не только на невыносимые моральные мучения, но и на тяжелейшие материальные лишения, из-за которых женщины, не будучи в силах прокормить несчастных малышей, нередко бывали вынуждены «добровольно» отдавать их в детские дома. Так формировались предпосылки сегодняшней социальной трагедии: дети — «отказники», сироты при живых родителях.

Этот законодательный шаг выражал трансформацию официальной политики — от благоволения открытому соитию, скрепленному «крылатым, Эросом», к культивированию имманентной добродетели строителей общества будущего, которой отныне представлялся антисексуализм. Подспудно смена «парадигм» намечается со второй половины 20-х годов, когда свобода секса сперва постепенно ограничивается, а в середине 30-х уже преследуется. Изменилась оценка однополых влечений. Еще в 1930 г. БСЭ писала: «Понимая неправильность развития гомосексуалиста, советское общество не возлагает и не может возлагать вину за нее на носителей этих

особенностей». Однако в 1933 г. в законодательство вводятся статьи, карающие мужской гомосексуализм, и вскоре в крупных городах — Москве, Ленинграде, Одессе, Харькове происходят массовые аресты за участие в «гомосексуальных оргиях». В этой связи множество людей, в том числе и среди военных, покончили с собой.

Фактически то была одна из форм расправы с «чужими», характерная для тоталитаризма. Но помним, аналогичные акции преследования имели место и в гитлеровской Германии: «нелюдей», по фашистской терминологии, гомосексуалистов и лесбиянок заключали в концлагеря и под благовидным предлогом борьбы о аномальным явлением уничтожали (более 1000 «врагов нацистской партии» во главе с Эрнстом Ремом встретили там свой смертный час).

Теоретическим обоснователем новой государственной политики выступил доктор А.Б. Залкинд, по «совместительству» сексолог кремлевских руководителей, а в пору побед «крылатого Эроса» — горячий последователь воззрений А.М. Коллонтай, поспешивший, однако, в угоду конъюнктуре идейно порвать с ней.

В своей книге «Половой вопрос в условиях советской общественности» (составляющие ее статьи написаны в 1924 г.) он на «базе ленинской методологии» разъясняет, как надобно строить интимные отношения в изменившихся исторических обстоятельствах. И во имя созидательных задач призывает максимально организовать «социальные потенции» масс, в том числе и сексуальную, не растворять их в стихии существующего хаоса. В развитие же провозглашенного партией «всеохватывающего режима экономии» выдвигает поистине «программный» постулат: «Пролетариат в стадии социалистического накопления является бережливым, скупым классом, и не в его интересах давать творческой энергии просачиваться в половые щели» [19, с. 38]. Пролетарская власть старается «оздоровить гнилую половую жизнь человечества», как и все прочие бытийные области, наложив на них свою «диктаторскую руку». Условие «оздоровления» — создание такой среды, в которой была бы невозможна «неограниченная растрата энергетического богатства пролетариата». К «средовым элементам», переводящим революционную энергию на классово-творческие пути, относятся требования производства, культурные раздражители, общественно-классовое мнение, партэтика, профэтика, классовая дисциплина. Включение этих элементов в жизненную среду позволяет, по Залкинду, осуществить важный классовый принцип: «Ненужных половых желаний истинный гражданин пролетарской революции не должен иметь», ему следует ввести таковые «в полезное для класса русло» [Там же, с. 38-39]. Залкинд предлагает целую систему мер превентивного характера, выработанных на основе принципа революционной целесообразности, одновременно являющейся и «наилучшей биологической целесообразностью».

Прокламированные вульгарно-социологические принципы классового руководства интимной жизнью сограждан непосредственно воплощались в деятельности общественных организаций, обладавших здесь правами решающей инстанции. Это продолжалось очень долго, вплоть до недавнего времени, когда партийные бюро рассматривали заявления обиженных жен или мужей, требуя (и нередко добиваясь) их возвращения в лоно семьи. А при определенном развертывании сюжета супружеская неверность — по последствиям для «падших во грехе» — могла приравняться чуть ли не к измене Родине (недаром классик сказал: «Если тебе изменила жена, радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству»).

Сия практика воспринималась как претворение в реальность подлинно марксистского подхода к семейно-брачным и половым проблемам в эпоху социализма. Однако признанный теоретик марксизма А. Бебель (как и Маркс, и Энгельс, да и Ленин) утверждал прямо противоположное: «Удовлетворение половой потребности — такое же личное дело каждого человека, как удовлетворение всякой другой естественной потребности. Никто не должен отдавать в этом отчет другому» [6, с. 354]. Правда, не менее влиятельный марксистский идеолог И.В. Сталин настаивал на подчинении личной жизни людей — брачных отношений, воспитания в семье —

государственным интересам. Впервые он публично заявил об этом в 1923 г.: «Работницы и крестьянки могут искалечить ребенку душу либо дать нам здоровую духом молодежь... в зависимости от того, сочувствует ли женщина-мать советскому строю или она плетется в хвосте за попом, за кулаком, за буржуазией» [20].

В общем, правомерно сказать, что имплицитно идея государственного вмешательства в заповедную зону личного присутствовала всегда с момента победы Октября. Особую экономическую актуальность она приобрела в период ускоренной индустриализации страны, требовавшей колоссального количества рабочих рук, нехватка которых в значительной степени восполнялась за счет женщин, осуществлявших чисто мужские функции в процессе производства. И поныне недопустимая нивелировка половых различий — неотъемлемая черта нашей обыденной повседневности. Пожалуй, только у нас можно увидеть женщину на тяжелых работах — ремонте дорог или железнодорожных путей, vorочающую огромные тяжести. Довольно точно это отражено в расхожей частушке:

Я—и лошадь, я—и бык,
Я—и баб», к мужик.

Не правда ли, грустный женский фольклор...

Но оказывается, и этому дал объяснение доктор Залкинд, по мнению которого «бессильная хрупкая женственность» есть результат «тысячелетнего рабского положения женщины», современная пролетарская женщина «физиологически должна приближаться к мужчине и все больше приближается» [19, с. 57]. Что бы это могло значить?! Хотя тогда следующую установку — в стране победивших пролетариев «не должно быть ревности» — воспринимаешь уже спокойно, ибо «максимально приближенную к мужчине» женщину и ревновать как-то странно. Да и сама ревность, настойчиво внушали нам, пережиток грубого собственничества: на этом классовом основании в советской юридической науке 20-30-х годов она трактовалась не как аффект, сложное нервно-психическое состояние, а как «низменное побуждение», т.е. отягчающее обстоятельство.

Как же проявлялся антисексуализм в социальной действительности того времени? Его внедрение в массовое сознание шло в первую очередь по пути стирания внешних граней между полами в сфере быта, эстетики, моды — отказа от красивой одежды и украшений как «буржуазных предрассудков». Особенно активно этот процесс шел в годы первой пятилетки (1928-1932), совпав с воцарением авторитарного режима в стране, следствием которого явился запрет всех и всяческих свобод.

Основная одежда «периода реконструкции» — черный либо серый сатиновый ватник (или юнштурмовка). Отличительное ее свойство заключалось в том, что она была одинаковой для мужчин и женщин, удачно скрывая к тому же «особенности» женской фигуры; молодежной униформе в качестве парадного дополнения полагался еще пояс с портупей. Очевидно, так одетым женщинам было легче и находиться в мужской кампании, и «приблизиться» к мужчинам даже по манерам и внешности (стрижка «под мальчика», отсутствие косметики и др.).

Стремление к внешнему единообразию, унификация в одежде советских гражданок становится государственной политикой. Любопытное подтверждение этому факту удалось найти в статье одного из крупных социальных статистиков тех лет Г. Полляка «К вопросу о потребительских шкалах (потребление одежды)» [21]. Он отмечает, что швейная промышленность с каждым годом все более монополизировала рынок одежды, «предупреждая нарушение общественных интересов... массового спроса», строго определяя разнообразие ее моделей. Так вот, число стандартов женского готового платья с 80 в 1928 г. (когда к тому же существовали частные ателье) сократилось до 20 в 1929-1930 гг. и до 4 в 1930-1931 гг. Миллионы женщин огромной страны вынуждены выбирать себе верхнюю одежду из четырех (!) моделей, а умевшие шить и хотевшие хоть как-то выделиться из однообразной толпы, все равно не могли этого сделать, потому что «ткани в натуре исчезли из товарооборота».

Не только «одежный фронт» попал под бдительное око борцов с женской и мужской сексуальностью. В 1929 г. последовал запрет джаза, западных музыкальных пластинок, в страну перестали пускать известных джазовых оркестрантов из-за границы. Не мешает напомнить, гонения на «излишне чувственную», не «нашу» музыку начались со статьи Максима Горького «О музыке толстых», критический пафос которой нетрудно понять уже из того, что наиболее часто в ней встречается слово «секс» [22]. Та же участь постигла и любовную лирику, которая вся оказалась под запретом (нападки на крупнейшего лирика Сергея Есенина встречались и раньше — начало им положили «Злые заметки» Николая Бухарина, объявившего «есенинщину» «самым вредным и заслуживающим настоящего бичевания» явлением, а поэта «идеологом кулачества» [23]).

Очевидно, что массивная антисексуализация общества не могла не породить определенных аберраций мышления. Произошло совершенно естественное в таких условиях вытеснение (к счастью, не окончательное) ценностей интимной жизни, затушевывание традиционных половых ролей и ожиданий прежде всего в женском сознании. Насколько глубоко пустил корни этот процесс красноречиво свидетельствует запомнившийся многим знаменательный случай — когда в начале перестройки на одном из международных телемостов зашел разговор о сексе, то некая наша соотечественница, приятная дама среднего возраста убежденно заявила: «А у нас секса нет».

В политике большевиков проблемы пола неизменно соединялись с «переделкой самой человеческой психологии» как центрального пункта всей партийно-пропагандистской работы. 65 лет назад «Известия» писали: «В нашей системе научного планирования одно из первых мест занимает вопрос о плановой подготовке новых людей — строителей социализма. Наркомпрос создал уже для этого специальную комиссию при Главнауке — комиссию, которая объединит разрозненные усилия педологических, психологических, рефлексологических, физиологических, клинических институтов и лабораторий, организует по единому плану их усилия по изучению развивающегося человека, вольет это изучение в русло практического обслуживания задач социалистического воспитания и социалистической культуры. По мысли руководителя Главполитпросвета тов. Н.К. Крупской... этой комиссии предстоит планировать не только изучение ребенка, но и изучение взрослого, также подвергающегося учебно-воспитательной обработке» [24].

И вновь — в который уже раз! — в ипостаси ученого интерпретатора государственных основоположений подвизается А.Б. Залкинд, ставший к тому времени профессором. Основной целью воспитания он объявляет «радикальную перестройку всех инстинктов», что позволит получить «необычайно пластичную человеческую массу», избавленную от «тяжелого реакционного фонда», а потому «податливую и воспитуемую... над которой организованная наукой среда зрелого коммунизма — среда, властная именно своей научной организованностью, сумеет проделать перестраивающую работу целиком в направлении к задачам коммунистического общества» [25]. Но, как показывает исторический опыт, все прекрасные намерения построить «лучшее в мире общество» и сформировать всесторонне развитую, совершенную личность с искусственно заданными свойствами, предпринимаемые в ходе реализации утопических идеалов социального устройства, на практике неминуемо обречены. И пусть трагические ошибки нашей истории станут весомым предостережением всем нынешним и будущим благодетелям человечества, пытающимся железной рукой загнать его в мнимый, призрачный рай на земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллониай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.
2. Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. Пг., 1919.
3. Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. М., 1920.
4. Коллонтай А.М. Дорогу крылатому Эросу! // Мол. гвардия. 1923. № 3.

5. Коллонтай А. М. Любовь пчел трудовых / Из серии рассказов: Революция чувств и революция нравов. М., 1924.
6. Бебель А. Женщина и социализм. Одесса, 1905.
7. Лавлинская Е. Воспоминания // Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1968. С 211.
8. Ласс Д. Современное студенчество // Мол. гвардия. 1927. № 9.
9. Мол. гвардия. 1926. № 5.
10. Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923 (к книге приложена стенограмма выступлений участников совещания).
11. Бранденбургский Я., Солъц А., Крыленко Я., Прушицкий С. Семья и новый быт / Предисл. Д. Курского, М., 1926. С 5.
12. Ростовский И. А. Новый Закон о браке, семье и опеке. Изд. 3-е. М, 1927. С. 30.
13. Крыленко Н. Проект Кодекса о браке и семье. М., 1926. С 13.
14. Эренбург И. Оттепель. М., 1954. С 62.
15. Урланис Б. Д. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 27.
16. Комс, правда. 1962. 2 февр.
17. Цит. по: Воспоминания о В. И. Ленине. В 2-х томах. М., 1957. Т. 2. С 483—484.
18. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С 185.
19. Залкинд А. Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. Сб. ст. Л, 1926.
20. Сталин И. К пятой годовщине первого съезда работниц и крестьянок // Коммунистка. 1923. №11. С 4.
21. Народное хозяйство. 1932. № 3-4. С 170—192.
22. Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1953. Т. 24. С 112.
23. Бухарин Н. И. Избр. труды. Л., 1988. С 297.
24. Известия. 1928. 13 окт.
25. Залкинд А. Б. Психология человека будущего. М.—Л., 1928. С 15.